
Дорогий читачу,

сьогодні наша рубрика представляє нового учасника. До нас приєднується наш харківський колега — Олександр Філоненко. Яюсь Олександр Семенович натрапив на книжку задокументованих розмов з Людвігом Вітгенштайном. Відтоді його захоплюють можливості філософської мемуарної документалістики — своєрідного словесного портретування філософа, яке має зберігати характерні риси як самого портретованого, так і його співрозмовника. Розмови з Олександром П'ятигорським — перша спроба Олександра Філоненка в цьому жанрі. Вітаємо його з дебютом і нагадуємо, що наша рубрика відкрита для співпраці.

Тетяна ЧАЙКА

**Олександр
Філоненко**

ОЛЕКСАНДР П'ЯТИГОРСЬКИЙ, ОПОВІДАЧ¹

Джонатану Сатону — радіючи дружбі

10 лютого 1998 року я став свідком народження філософії з розмови. Тоді містер Мартин Дюхерст, визначний славіст з університету Глазго, дотримав дану мені влітку обіцянку «ушолопати на трьох з Мойсейовичем», і ми зустрілися в кабінеті Олександра Мойсейовича П'ятигорського у Школі східних та африканських досліджень Лондонського університету. Це була наша перша зустріч, приводом до якої стали мої спроби розібратись у філософії Володимира Набокова, а єдиною відомою мені російськомовною статтею на цю тему була давня стаття П'ятигорського «Трохи про філософію Володимира Набокова» [Пятигорский, 1978]. Сталася зустріч, в якій розмова про Набокова розчинилась у стихії філософування. Услід за цією були інші зустрічі, і прагнення занотувати принаймні деякі теми, сюжети й повороти у тій стихії, що відкрилася переді мною, привели до появи цих записів.

Оскільки неодноразово повторений ритуал розмов супроводжувався питтям *завжди* горілки, то раз у раз, розуміючи, що на ранок багато які з тем можуть бути безповоротно втрачені, наввипередки

---

¹ Пропоновані нижче записи друкуються зі скороченнями та мовою оригінальної розмови — як документ у жанрі oral history.

зі сном в автобусі чи електричці я записував *суттєве*, що надало нотаткам неусувної фрагментарності. Я довго зважував, чи варто приводити до ладу ці «п'яні зошити», чи варто прагнути передати дух розмови, якщо будь-яка розмова передбачає двох, однак своєї участі в розмові я жодним чином не відзначав і майже не пам'ятаю. У записах розмова поділилась на фрагменти *оповідей*. Подолати цю складність допомогла винесена П'ятигорським в один із численних епіграфів «Міфологічних роздумів» теза такого собі І. Бештау: «Міфологія дана нам у незв'язних фрагментах нашої думки. Якби їх зв'язок вдалося відновити, то це була б історія» [Пятигорский, 1996: с. 17]. Отож мої записи, хоча й вивірені хронологічно, однак жодним чином не історичні, а втім, мимоволі міфологічні в означеному вище сенсі.

У 1931 році у статті «Оповідач», присвяченій творчості Миколи Лескова, Вальтер Беньямін описує та одночасно проводить оповідача, який залишає, з його точки зору, європейську культуру *назавжди*: «Ми все рідше зустрічаємося з людьми, які спроможні щось доладно розповідати» [Беньямин, 2004: с. 384]. Спілкуючись із П'ятигорським, я дедалі більше переконувався в помилковості культурологічного прогнозу Беньяміна і в точності його феноменології оповіді. Переді мною постав оповідач, якого важко виявити в його ж філософських працях. Він не втомлювався повторювати, що «жодна філософія не існує без розмови» [Пятигорский, 2007: с. 20], але водночас сповідував філософування як роботу деконтекстуалізації. Поєднував він ці тези в імперативі — тості, пропонуючи випити за те, щоб філософ, котрий *повинен* вийти з історії, завжди *знав*, звідки саме він виходить. П'ятигорський як супротивник будь-якого фіналізму сам був втіленням аргументом помилковості беньямінівського прогнозу та любляв цитувати лист Пастернака: «Долі культури в лапках знов, як колись стають *справою* вибору... Скінчується все, чому дають скінчитися... Візьмешся продовжити, і не скінчиться» [Пятигорский, 2004: с. 413]. Справді, оповідь зникла з-під лампи великої культури, але П'ятигорський би сказав, що тим гірше для культури. Від цього вона не тільки не зникла, а й не втратила власної істотності. Залишаючись поза публічними комунікативними практиками, оповідачі вели і продовжують вести розмову, а філософування є умовою її можливості. Сподіваюсь, пропоновані записи слугуватимуть демонстрацією цієї тези, адже вони склались зядя того, щоб віддати належне розмові й оповідачеві зсередини такої ситуації і показати настійність оповіді, що доповнює філософування і робить його повнокровним.

Крім того, якщо знову згадати Беньяміна: «У дійсності немає такої оповідуваної історії, у якій би втратило право на існування запитання: “А що було далі?”» [Беньямин, 2004: с. 406]. І якщо ми *схочемо* скористатися цим правом, то відхід Олександра Мойсейовича П'ятигорського не пере-

рве тієї філософської розмови, припинення якої він остерігався і персоніфікацією якої він, безумовно, залишається.

***

28.07.97 — позвонил Мартин Дюхерст, похвалил мою статтю о Набокове и сказал, что мы непременно должны «сообразить с Моисеевичем на троих». Обещал в мой следующий приезд на остров представить меня Александру Моисеевичу (АМ). И обещание исполнил.

1998

10.02.98 — *первая встреча «на троих» в кабинете АМ в SOAS, School of Oriental and African Studies.*

Они не виделись с Мартином восемь лет. Было о чем поговорить. Пили «прекрасную кошерную водку из Польши» с пирожками из профессорского сейфа. Потом выяснилось, что это — ритуал, водка и пирожки — его необходимые составляющие, дополнявшиеся пирожными при появлении дамы. Больше в сейфе ничего не было. Разговор вспыхнул о русских масонах и Временном правительстве. Все герои разговора именовались по имени и отчеству, как старинные знакомые, фамилии не использовались, и мне потребовалось время, чтобы понять, что речь идет об Александре Федоровиче Керенском и Михаиле Ивановиче Терещенко, о котором я тогда впервые услышал. *Вдруг* выяснилось, к удивлению АМ, что Мартин в юности был секретарем Керенского и работал над его мемуарами. АМ был категоричен в оценках деятельности Александра Федоровича: «энтузиазм и пошлость — всегда рядом». Мартин эти оценки смягчал. Разговор был соткан из таких ВДРУГ. Поминали Юрия Михайловича Лотмана и Мераба Мамардашвили (фамилии, разумеется, не использовались).

Фрагмент разговора о московской гостье, внучке старинного друга, которую последний раз видел девочкой под столом перед самым отъездом в 1974 году. АМ: «Когда я уже выпил и перешли к пирожным, Маша ВДРУГ попросила говорить «начистоту». Мартин, Вы, конечно, знаете, чем отличаются англичанин и русский, когда предлагают поговорить начистоту! Англичанин предполагает говорить гадости о себе, а русский — о тебе. Точно так и вышло. Машенька спросила, не состою ли я в масонской ложе? Иначе в ее семье никак не могли объяснить мои лондонские «успехи». И после того, как я немножко поправил ее представления о масонстве и пояснил, почему я не могу быть масоном, она строго и шепотом сказала: «Я так и знала, они завербовали Вас так, что Вы и сами об этом не знаете»».

После того, как Мартин откланялся, мы перебрались в китайский ресторан, где приступили к обсуждению философии Набокова, любимым русскоязычным произведением которого у АМ оказался рассказ «Ultima

Thule». Но запомнились почему — то ВДРУГ возникавшие в разговоре Георгий Иванович Гурджиев и Петр Дамианович Успенский, Розанов и Флоренский, Семен Людвигович Франк, Хоружий и Хинкис и вся история с переводом «Улисса», Декарт и Кьеркегор, Карсавин в Литве, Гегель и Фейербах, Рахманинов и Борхес, Людмила Петрушевская, Бродский в Москве и в Лондоне, Оден, популярные лекции Фейнмана по квантовой электродинамике в связи с философией сознания, Ландау и Гамов. Оказалось, что философствование может рождаться из стихии разговора.

Прощаясь на железнодорожной платформе, АМ попросил не переживать за мою статью, потому что он положил ее в совершенно надежный карман, в котором уже лежит замечательный текст на тибетском языке. Тут же была пересказана взятая из него история о монахе, который отправился искать перерожденца после смерти настоятеля монастыря, и однажды в одном селе он подошел к мальчику, лепившему фигурки из навоза, и предложил ему пойти за ним и научиться несравненно более важным вещам. Мальчик пошел и, действительно, оказался разыскиваемым перерожденцем. И благодарные монахи, решив восславить нашедшего, спросили, как ему удалось обнаружить нужного мальчика. На что тот сказал, что звал ВСЕХ мальчиков, лепивших фигурки из навоза, но пошел за ним только ОДИН.

Фотокопия тибетской книги была немедленно продемонстрирована, к ней была приложена моя статья, и следующая встреча оговорена.

25.02.98 — второй разговор с АМ.

В отдельных фрагментах — прямая речь Пятигорского. Она закавычена в тех случаях, когда включена в мой рассказ внутри фрагмента.

— Дорогой Александр! Прежде чем предложить Вам прекрасной кошерной водки, я должен спросить, не бросили ли Вы пить за то время, пока мы не виделись?

— Но ведь мы расстались совсем недавно?

— Ответ, с точки зрения буддийской философии, совершенно неверный, потому что для того, чтобы бросить пить, времени не нужно.

Регрессия мышления — у Гуссерля в «Кризисе европейских наук», например. Простой пример регрессии: «Я хороший философ, и поэтому ты должна мне отжаться». Второй пример принадлежит Мерабу: «Если мне кто-то скажет, что ему не давал развиваться режим, то я не буду иметь с ним дел, поскольку он сам — человек режима. Режим позволяет или не позволяет ему развиваться». Философ сознания не должен жаловаться на *ситуацию*. Это так же глупо, как жаловаться на погоду.

Для Мераба действительно было важно, что философия сознания есть феноменология *одинокого* сознания. И в этом я остаюсь на его стороне.

Дилетант, сознаючи свій дилетантизм і по тому здійснює глибоку роботу свідомості, можливо, оскільки філософу свідомості все рівно з чим працювати. Св'язь роботи свідомості з об'єктом свідомості — вимушена неминучість.

На запитання про мій нинішній ставлення до семиотики коротко я міг би відповісти так. Мені для занять семиотикою вистачило б п'ять років. Я займався нею шість. Отсюди і мій ставлення. Семиотики вже немає, є Кома, Вячеслав Іванов, останній семиотик.

2003

27.03.03 — розмова в гостях у АМ. Не побачили п'ять років. Водка «Absolut», сигарети, кави з сиром і хлібом.

Побував в Москві і виявив у своїх старих друзів новий цинізм. Все час ведуться неприличні розмови про гроші і жінках. Утомляють, тому що треба ж хоч *іногди* говорити правду.

Андрей Мурав'єв-Апостол, колишній міністр іноземних справ Швейцарії, випускник Ітона, ні разу в Росії не побувавши, вирішив відвідати родові місця і об'їхав їх значительную частину, після чого резюмував в розмові свої враження: «Люди в Росії, загалом кажучи, живуть не погано, АЛЕ вони *крайне не любезні*». Я, заперечуючи, дозволив собі пошлость і сказав, що це, можливо, пов'язано з погіршенням їх життя. Розмова була дев'яностих. На що Андрей резонно заперечив: «Я побував в трущобах Сан-Пауло, і там люди любезні». Да і в Індії так же: вонь, дерьмо, нищета, а люди любезні!

Про міфотворчість Достоєвського: існує переклад «Ідиота» на другий мову Пакистану. На цьому ж мові існує і «Гамлет». І більше того, коли «Ідиота» прочли, то згадали точно таку ж історію, трапившись і з одним з своїх принців! Рационалізм Достоєвського цікаво порівнюється з його міфотворчістю. В цій зв'язі хороша книга Голосовкера про Достоєвського і Канте. Невосприимчивість його до Гегеля.

Я виходжу з абсолютного плюралізму мислення. Кожен людина може мати якусь зручну думку, але коли він її висловлює — треба приводити аргументи.

Я емігрував 28 липня 1974 року. І тут же дзвінок Бродського і зустріч в Лондоні. Розглянувши мене уважно, Іосиф вирішив, що так одягатися абсолютно неможливо. Ми відправились по магазинах, і він купив всю одяг, яку він вважав підходящою.

Іосиф міг говорити тільки про поезію. Приїждячи в Лондон, він сбежав з своїх семінарів і конференцій, і ми відправлялись в паб, випивали, курили і говорили про поезію. Такою ж була наша остання зустріч. У Іосифа була сильніша одышка.

В Израиле я бывал двадцать девять раз. Там жили мои родители. Отец же похоронен в Лондоне. Любовь к Англии я впитал от него. Его рассказы были полны впечатлений о его английской командировке по металлургическим делам.

Однажды я купил лекарства для друга и в коридоре его коммуналки подслушал разговор о снятии Ландау с профессорства в МГУ. Уже в Англии я открыл для себя истории о Георгии, или Джордже, Гамове, бонвиване и крепко выпивавшем друге Ландау, о котором в Москве упоминать было не принято. Из всех физиков наибольшее впечатление на меня произвел Ричард Фейнман, недолюбливавший, мягко говоря, философов. Вы найдете продумывание его аргументов из лекций «Квантовая электродинамика — странная теория света и вещества» в моей книге «Мышление и наблюдение» [Пятигорский, 2002].

02.04.03 — второй разговор в гостях у АМ.

Об наблюдационной философии и «Мышлении и наблюдении». В наблюдационной философии в философствовании связываются объект как мышление, мышление и наблюдение, рефлексия, сознание, знание и думанье, время думанья и время рефлексии ... Все началось с того, что я понял, что *невозможно* рассматривать мышление как феномен, но только как эпифеномен рефлексии. Отношение знания и думанья я описывал раньше во введении к «Мифологическим размышлениям». Те же темы работают в последнем рассказе из сборника «Рассказы и сны» [Пятигорский, 2001].

Отношение знания, думанья и рефлексии может быть пояснено следующим образом. Если я не могу упрекать человека в отсутствии знания, то в отсутствии думанья — могу. Например, фраза «Как тебе не стыдно, ты не *знаешь* столицы нашей Родины!» глупа, потому что мало ли кто и чего именно не знает, а вот — «Ты совсем не *думаешь* о матери!» серьезна и этически нагружена. Еще более серьезна фраза «Ты не *хочешь думать* о деньгах, которых давно нет!», и этот упрек связан с рефлексией, с моим желанием или нежеланием думать.

Или вот такой семейный разговор:

— Ты не *подумал*, что у нас кончаются деньги?

— Я не *знал*!

В вопросе упрек, связанный с апелляцией к думанью, в ответе уход от ответственности через редукцию думанья к знанию.

Владимир Калиниченко подслушал хороший разговор по пути на презентацию моей книги в магазине «Пирог ОГИ», позволивший проиллюстрировать связь философствования и рефлексии. Одна дама жаловалась в трамвае подруге на трудности с деньгами, на необходимые и срочные траты и т. д., а вторая ее утешала: «Да перестань ты об этом думать, будь филосо-

фом». Философия как возможность не-думанья, а потому и возможность хотеть или не хотеть думать, открывающаяся в рефлексии.

Рефлексия невозможна, но случается. Философия как род внимания к месту невозможного. Этика *места*, в котором может случиться рефлексия.

Пастернак относится к Манделштаму как безумие и ясность. Очень интересна тема знания и думанья у Пастернака. Его шаманство и рефлексия. Пастернак проделал философскую работу в прозе.

Что-то очень важное говорит об Англии тот факт, что в ней худшее среднее образование в Европе и первое место по числу открытий и изобретений.

Когда Деррида прочел в Кембридже свою лекцию о деконструкции, после скандального протеста группы профессоров по поводу присуждения ему доктора *honoris causa*, присутствовавший там принц Филипп подошел поприветствовать лектора и, благодаря, сказал, что ему всегда было трудно понять, что такое деконструкция, но теперь, после прекрасной лекции, он понял, что никаким другим понятием того, что происходит в королевской семье, выразить невозможно.

Когда Юрий Михайлович Лотман был *предельно* недоволен каким-нибудь присланным текстом, его самая суровая критика выражалась следующим образом: «Ну, так бы и я смог написать».

Отъезд АМ в Индию, о котором он расскажет через два года в нашу прощальную встречу.

2004 — 2005

9.03.04 — ужин с Митей Боским, учеником АМ.

Боский: «Саша исповедует в отношениях с друзьями принцип всех разведок мира, принцип “вертикального разделения”: он никогда их не знакомит, потому что не доверяет общим разговорам. У него невероятное число друзей, и они время от времени встречаются друг с другом и выясняют, что знают и любят Сашу Пятигорского».

Все семь разговоров 2004 года имели место в гостях у АМ.

15.10.04 — первая беседа с АМ была дневной и кратчайшей, то есть трехчасовой и без водки. У АМ оперированное больное колено, но, несмотря на него, вышагивание разговора.

Узнав о моих кембриджских занятиях британским православным богословием, АМ вспомнил о Николае Михайловиче Зернове, Клайве Стейплзе Льюисе и о православном приходе в Оксфорде. Николай Михайлович Зернов — самый значительный из встреченных русских, непосредственный как ребенок, чего ему многие не прощали и часто говорили: «Да он же дурак!», не понимая его гениальной непосредственности. Его интересовало *только существенное*. Он глубоко разделял идею сродства англиканской и православной церковей. Я жил через улицу от его дома в двух минутах ходь-

бы и заходил практически каждый день. После нашего последнего разговора, за день до смерти, я сказал ему: «До завтра!», а он в ответ: «Но завтра я уже умру, или завтра меня может уже не быть». Милица, его жена, возмутилась, но у него было спокойное знание этого. А немного раньше, в разговоре он с улыбкой сказал мне: «Я прожил абсолютно счастливую жизнь».

Милица жаловалась на Николая Михайловича: «Он принимает всех без разбора», и рассказывала, как однажды в одиннадцать часов ночи, что совершенно немыслимо по английским правилам, пришел выпивший англичанин и, не представившись, спросил: «Здесь ли живет Николай Зернов?» Получив отпор, он представился: «Клайв Льюис». Николай Михайлович вмешался и сказал: «Зови, он хорошо о Боге пишет!» Проговорили до четырех часов, а Милицу возмутило, что не у нее, а у Николая он спросил через какое-то время, нет ли у него немного виски. «Ведь Николай никогда не пил, а ОНИ (Льюис, Толкиен и их компания) все время пьянствуют в разных пабах!»

Нигде, как в Англии, знаменитой условностями, так не прощают пренебрежения ими. Очень распространенная фраза: «Ну, это же другое дело!» Отсюда английская любовь к эксцентрикам.

Льюис в разговоре в пабе об условиях философии:

- Готовность к правде и знание, что мной что-то или кто-то правит.
- А если я не хочу, чтобы мной правили?
- Благодарите Бога, что это несущественно.

Все мои сборники, выходявшие до сих пор, составлял не я. В них попадало такое, что я никогда бы больше не хотел видеть, тем более переизданным. Но вот в Санкт-Петербурге выходит главная книга, «Непрекращаемый разговор», которую я составил из тех статей, которые кажутся значимыми мне самому. Жаль только, что в нее не вошло специально написанное введение «Непроницаемость политической философии», навеянное иракской войной. Она посвящена *эпистемологическому безумию тайны*, которое есть умение политика (например, Гитлера или Сталина) создать иллюзию наличия стратегического плана (например, мировой войны), несмотря на отсутствие даже намеков на него. То же отсутствие и абсурд — в Ираке и Чечне, а раньше — дважды в Афганистане (в 1849 году Британия впервые ввела туда восемнадцатитысячный экспедиционный корпус, вернулось — шесть человек, такова цена интересующего меня умения). Эта *незаинтересованность* великих политиков в *знании* и *отсутствии* реальной стратегии — явление новое, потому что в девятнадцатом веке у Наполеона и Бисмарка, а до того у Людовика XIV и у Петра I этого не было. А вот в XX веке таких примеров предостаточно. Николай II после совещания с командующим генштабом сетует в 1914 году: «Тяжело от его знания». Он же назначает командовать японской эскадрой адмирала

Рожественского, парируя возражение: «но над ним же смеются даже шкиперы!», замечательным суждением: «но он — надежный человек». Или вице-король Индии, внук королевы Виктории, адмирал Маунтбеттен разделяет Индию и Пакистан с помощью четырех клерков по огромной карте линейкой. Такая *нелюбовь к знанию* вызвала страшную индо-пакистанскую резню при разделе Пенджаба, несмотря на предупреждения *знающего* Неру, к которому адмирал и его супруга леди Эдвина были очень привязаны.

Кутузов — знающий, и любопытно отношение к нему Александра I. Или знание Жукова о проигрыше немцев под Сталинградом и сталинское требование впечатляющей победы. Наш Афганистан: Устинов и экспертное знание о «дружественных таджиках». Чем не Ирак и экспертное знание о «дружественных шиитах», оппозиционных суннитскому режиму Хусейна? Казалось бы, каждый троечник-востоковед знает о том, что именно для шиитов неприемлемо правление чужеземцев и что сопротивления оккупационному режиму следует ожидать со стороны шиитов. Именно так и произошло, но эксперты рекомендовали делать ставку на дружественных шиитов. *Нелюбовь политиков к опытному знанию знающего привела к постепенному вытеснению знающего экспертом*. Буш, Блер, Путин — позиция ненужности знающего и торжества экспертного знания.

Хотя были политики, сумевшие сделать выводы об ошибочности своего не-знания. Например, Черчилль в 1916 году, в роли главы Адмиралтейства, когда его волевое незнание стоило провала морской кампании. Или сожаление Маунтбеттена при встрече с Владимиром Буковским о единственном непережитом опыте: «К сожалению, я никогда не сидел в тюрьме».

Жена лорда Маунтбеттена, леди Эдвина погибла, спасая детей в эпидемию на Суматре. Она умерла, по словам лорда, «своей смертью». Сам он после ее гибели ждал «свою» и дождался. Будучи восьмидесятилетним стариком, он вышел на яхте с внуками и был потоплен ирландскими террористами в 1979 году. Интересно, что в индийской мистике есть понятие «своя смерть». Разочарованный Ганди ждал «свою смерть» и, когда увидел приближающегося убийцу, сказал ему: «Убей меня, о, Рама!», и умер с просьбой о его прощении.

Идея российской империи мне глубоко противна и не может быть эстетически оценена. Хотя Бродский, например, был имперский поэт, и, возмущенный провозглашенной независимостью Украины, тут же написал стихотворение «Украине на отсоединение от России», позвонил мне и прочел его, хотя и запретил публиковать в прижизненных сборниках, хорошо осознавая его невысокую поэтическую ценность. Но не мог не написать. Запомнились последние две строчки: «Будете вы хрипеть, царапая край матраса, Строчки из Александра, а не вирши Тараса».

Философ не должен:

- извиняться за то, что его позиция странна или необычна;
- интересоваться «реакцией» на его позицию.

Я никак не отношусь к принципиальным людям. Можно сказать, что я человек «беспринципный», но есть один принцип, от которого я старался не отступать: «не врать *детям и ученикам*», и не потому, что это плохо, а потому, что в случае вранья само отцовство и учительство *бесмысленны*.

21.10.04 — второй разговор.

О философском факультете. Поступил в 1947 году и учился до 1952. Три наиболее важные фигуры: Александр Зиновьев, Эвальд Ильенков и Юрий Левада. Зиновьев не терпел Ильенкова, Мераб тоже относился прохладно. Ильенков, совершенно порядочный, исключительно честный человек, отверг меня из-за неуважения к Марксу и Гегелю и из-за отношения к России, к которой сам относился по-германски серьезно. Как и Зиновьев, он много пил, и оба были фронтовики.

Дружба с Мерабом. Знали друг друга давно по философскому факультету, но дружбы не было. И вот, после большого периода бездомности, мне удалось снять комнату и, придя первый раз туда с ключами и чем-то из булочной, у дверей подъезда обнаружил Мераба, который пришел к Борьке Грушину, жившему в том же подъезде. Это было летом 1969 года. Мераб спросил: «Скажи, пожалуйста, кратко, чем ты сейчас занимаешься?». Я ответил: «Меня интересует одна проблема: *сознание*». — «И меня тоже». И после этого до самого моего отъезда в Англию мы уже не расставались. Чаще всего запирались у него в кабинете в Институте философии. Тогда он занимался «Вопросами философии». За наш с ним диалог о сознании и индийской философии близкие друзья ругали Лотмана, который его опубликовал.

Юрий Николаевич Рерих и Институт востоковедения. Юрий Николаевич Рерих работал с 1956 года в институте по приглашению Хрущева до самой смерти в 1960 году. Меня выгнали из института в 1968 в лето после входа в Прагу. Юрий Николаевич обращался к своим родителям только «папочка и мамочка». Его отец — очень сложный человек, много занимавшийся общественной деятельностью, мать — типичная теософка, ничего не знавшая хорошо. Брат Святослав — странный тип, по несколько раз в год приезжавший в Москву. Но сам Юрий Николаевич — великий ученый.

Антисемитизм и космополитизм. Исайя Берлин как-то рассердил: «Как ты можешь, будучи евреем, *так* писать о евреях?». Пришлось ему ответить: «А кто Вам сказал, что я еврей?» Схожий вопрос приходилось слышать по поводу разных вещей, например, науки, и ответ был тем же: «А кто Вам сказал, что я ученый?» Впервые об антисемитизме узнал в 1946 году, когда, выйдя из школы, услышал от окруживших ребят: «Жид проклятый», но спас вме-

шавшийся друг Мишка, школьный герой, круглый отличник и спортсмен: «Ты чего стоишь и молчишь? Скажи, что ты потомок Авраама и Исаака, а они — шваль подзаборная». А еще однажды вернувшийся с фронта дядя отозвал в сторонку и сказал: «Запомни, ты — еврей среди врагов». И я испугался. Космополитизм — редчайший случай мышления, но бывают и врожденные космополиты (таким, безусловно, является Володя Буковский).

О сознании и «Мышлении и наблюдении». Проблема сознания пришла из моих занятий философией и параллельно возникшим интересом к индийской мысли, вызванным несколькими *встречами*. Сама эта проблема настолько трудна для современной науки, что мне часто приходилось редуцировать сознание к мышлению.

Тема книги «Мышление и наблюдение», кратко говоря, — рефлексия как *феномен*. Рефлексия — *имеет место, случается*, если *ты захочешь*. Моя рефлексия о моей мысли определяется моей свободой или желанием, а вот о рефлексии *другого* я могу сказать, что она *случайна*. «Случай», как «случка», «с-ходство» и в индийском языке тоже прочитывается как *встреча*. Случай как то, что меня *настигает*.

Один студент после лекции по феноменологии религии спросил: «Что такое феномен?» И я ответил: «То, о чем Вы *знаете*, что оно произошло». И тогда я понял, что рефлексия — феномен, а мышление — эпифеномен, а никак не наоборот.

4.11.04 — третий разговор. Молитва перед питьем водки — буддийская, на тибетском языке об ослаблении злых помыслов, которой монголы научили.

Впервые я выпил, когда мне было двенадцать лет и восемь месяцев, в сентябре 1941 года, на Урале, в Нижнем Тагиле, в общежитии крупнейшего снарядного завода. Ждали с матерью отца с работы. Комнату делили со старшим лейтенантом Гариевым, который попытался накормить мальчика хоть чем-то, но ничего не оказалось в фанерных чемоданах, кроме водки. И он налил немного, заявив, что водка немного притупляет голод. Пить в строгом смысле, как и курить, я начал в день рождения, в пятнадцать лет, 30 января 1929 года, следовательно, в 1944 году в том же городе. С другом Михаилом Ивановичем Архиерейским, мать которого работала на танковом заводе, «Вагонке», где каждый день выпускался полк танков. С тем самым Мишкой, который оказался рядом в мой день знакомства с антисемитизмом.

Мы были знакомы с Бродским по Москве, благодаря моему соседу, жившему ниже, Андрею Сергееву. Это соседство продолжалось, кажется, с 1963 по 1967 год. Бродский разыскал его после ссылки, чтобы изучать английскую поэзию. Его первым стихотворением, *услышанным* мною, была «Большая элегия Джону Донну». Однажды я спустился к Андрею — сидят с Бродским. Спрашиваю:

— Чем занимаетесь?

— Александрийским стихом.

Вдруг, Бродский:

— Держу пари, что через полгода научу Александра писать приличные (не гениальные!) стишата.

— Но я не умею обходиться с рифмой.

— Ну, уж это совсем не важно. Этому я берусь научить в два счета.

— Но можете ли научить прозе?

Андрей:

— Прозе научить невозможно.

Так же говорил и Гете Эккерману.

Бродский был совершенный поэт, и философия, как и все, кроме поэзии, его не интересовала. Вот недавно был Женька Пастернак. Когда-то давно спрашивал его: «Каким отцом был Борис Леонидович?» А он: «Никаким, потому что для него ничего не существовало, кроме поэзии». Чего не скажешь о Мандельштаме, и неслучайно Аверинцев считал, что в русской литературе было два классициста — Пушкин и Мандельштам. Для Бродского они же были важнейшими. А для Сергеева, как и для меня — Пушкин и Пастернак.

«Личность» с позиции наблюдательной философии ненаблюдаема и является недопустимо сильным преувеличением.

Тост. За то, чтобы безусловная философия продолжалась, а такие фразы, как «но таковы условия» были исключены.

1 2. 11. 04 — четвертый разговор.

Пробовали армянскую тутовую водку, и после буддийской молитвы, в ответ на вопрос о том, не странно ли, что, увязывая философию с деконтекстуализацией, акультурностью и аисторичностью, сам АМ так любит историю и мемуарную литературу, им был предложен тост: «Философ *должен* выйти из истории, но он должен *знать*, откуда именно он выходит. За это знание!»

О первых встречах с друзьями и учителями. С Владимиром Николаевичем Топоровым познакомились в 1954 году. У него на дне рождения в 1955 году — первая встреча с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым. Кома тогда уже был настоящей университетской звездой. С Бидией Дандаровичем Дандароном меня познакомил в 1958 году Юрий Николаевич Рерих, друг с другом они говорили исключительно по-монгольски. История в Тарту началась в 1962 году, когда подружились с Юрием Михайловичем Лотманом.

Три с половиной года назад умер *мой первый учитель*, Юрий Валентинович Кнорозов. Он, как Витгенштейн, командовал артиллерийской батареей и отказывался от офицерства, чтобы скорее демобилизоваться и заняться наукой. Это ему удалось, и мы познакомились после войны, когда я

был в десятом классе. Он тогда учился на истфаке и собрал группу, в которую кроме меня входили будущий детский писатель Валентин Берестов и один армянин, и это была, ни много, ни мало, «Группа по изучению происхождения культуры». Юрий Валентинович крепко пил — его дневная норма долгие годы составляла литр водки, и врачи обещали смерть в сорок, но прожил почти восемьдесят. Он попал в окружение в харьковском котле (кстати, он учился в Харьковском университете) и, скрываясь в подвалах, он учил древнеегипетский язык по классическому учебнику Гардинера, приобретенному до войны на базаре. Когда обнаружил шестнадцать ошибок в учебнике, решил, что древнеегипетский — знает. Это был его первый древний язык. После войны из-за того же окружения он не смог стать аспирантом в Москве и устроился экскурсоводом и ассистентом в Музее этнографии народов СССР, где, на беду, его начальником был Лев Николаевич Гумилев, вновь арестованный в конце сороковых. Потом в Москве он был помощником у известного археолога, раскопавшего Хорезм, в качестве специалиста по письменности. В Питере он резко пошел вгору, стал доктором, академиком, человеком, расшифровавшим письменность майя. Он хотел даже заговорить на языке майя. При этом еще в 1946 году он учил: «если ты хочешь что-то узнать, то такой проблемы, как язык, быть не должно, словаря и грамматики достаточно».

Я — не лингвист, хотя всю жизнь окружен лингвистами. Однажды мой коллега по Лондонской школе востоковедения и африканистики (SOAS), крупнейший знаток иранского языка, который выучил свои первые языки, работая водителем грузовика в Австралии, спросил меня, знаю ли я осетинский? Я не знал. Он очень удивился и спросил, не *стыдно* ли мне, ведь, будучи русским, я не могу не знать литовского, а от него недалеко и до осетинского? Я не знал литовского, и стыдно мне не было. Так что я определенно не лингвист. Но три языка я люблю: индийский — тамильский, английский и тибетский, который уже так и не выучу.

Мой папа, Моисей Гдальевич — был металлург, и поэтому первый раз я решил пойти на работу в тринадцать лет в мартеновский цех. Тогда в нем температура была плюс восемьдесят четыре градуса по Цельсию, а на улице стояла весна — минус двадцать семь. Вторая моя специальность — повар, но не люблю мыть посуду и сервировать стол.

Семиотика меня разочаровала тогда, когда я понял, что все выходы в теорию были тривиальными. Лотман на это отвечал: «Вот Вы, Саша, сядьте и напишите (или выдумайте) теорию». Сам Юрий Михайлович теоретиком не был. Он был историком литературы, но историки не могут быть философами.

Дандарон был первый раз посажен в 1938 году как аристократ и японский шпион, когда его сыну было десять месяцев. За свою жизнь он просидел семнадцать лет и было у него одиннадцать детей.

Впервые услышал о Гурджиеве в послевоенной Москве. Нашел его могилу под Парижем, потому что он просил похоронить его возле Кэтрин Менсфилд. Надгробие — огромный кусок скалы без единой надписи. Гурджиев пил, но не пьянел, и пренебрежительно отзывался о пьянстве Успенского, что привело к обиде Петра Дамиановича. Когда Гурджиев умер, делавший вскрытие врач заявил, что с такими повреждениями не живут. Георгий Иванович очень плохо знал языки. Он одним из первых понял, что история двадцатого века развернется так, что возможен будет только *одинокий* путь спасения, или работа пробуждения-осознания, за пределами всякой социальности.

19.11.04 — пятый разговор.

АМ попросил первую английскую книжку Алена Бадью, «Infinite Thought», для ознакомления. Через неделю книга покрылась многочисленными восклицательными, вопросительными знаками и подчеркиваниями, нанесенными красной шариковой ручкой. АМ: «Мне он не понравился своим, *слишком страстным для философа*, франкоцентризмом и антиамериканизмом. И, в конце концов, у Бадью совершенно отсутствует рефлексия, тогда как у Хайдеггера она настолько непрерывна, что от нее устаешь».

Бидия Дандарович Дандарон умер в лагере в 1974 году. Всю жизнь прожил в Улан-Удэ, где был младшим научным сотрудником Дальневосточного отделения Академии наук. Посадили его в 1973 году. Это была плановая вспышка активности КГБ в борьбе с религией, но с православием бороться уже было неудобно, и принялись за баптистов и буддистов. Я входил в группу Дандарона, к нему приезжали и разбирали буддийские тексты. У меня в те годы тоже начались неприятности, и друзья выхлопотали встречу с генералом КГБ Орловым, которому в 1982 году пришлось застрелиться. Он показал мое дело и выругался: «Не работают, как и везде в системе, отчитываются и врут, а за враньем — воровство. Уезжайте».

3.12.04 — шестой разговор.

Воспитывавший меня дед Ефим, или Ефраим Липович Пятигорский, двоюродный дядя моего отца, был купцом первой гильдии и занимался кожгалантереей с компаньоном, старообрядцем Иваном Стоновым. О нем есть мемориальная запись на стене в московской синагоге. У деда была одна маленькая страсть — любовь к цыганам. Он выкупил первую любовь, она умерла в три дня от тифа в 1921 году. После этого дед поседел и позже влюбился в Миланью Дашкову, прожившую до конца в семье. Его приказчик, Аркашка Розенцвейг, был агентом ЧК, и в 1930 году деда арестовали, а следователь по особо важным делам с Лубянки «попросил» все счета перевести на Советское правительство. После избиения все бумаги были подписаны. Его семья — из Полтавской губернии, где стоял Пятигорский

полк, воевавший до этого на Северном Кавказе, и все евреи, с ним связанные, получили в нужное время одинаковую фамилию. Оттуда перебрались в Кременчуг, а потом, после знаменитого погрома 1903 или 1904 года, уже — Москва, где появились две фабрики. Дед не умел писать ни на каком языке, но занимался дизайном. Их лучший со Стоновым мастер, Алексей Алексеев пил, но был любим, и, чтобы все не пропивал, было решено оплачивать его сыну лучшую гимназию, а позже университет и учебу за границей.

Из школы меня выгоняли дважды. Последний раз я учился в сто десятой школе, расположенной в двух кварталах от Арбатской площади в сторону Никитских ворот. Директора этой лучшей московской школы звали Иван Кузьмич Новиков. Он собрал лучших учителей. Физику и биологию, например, преподавали два доктора наук. Я был изгнан за полную неуспеваемость в декабре из десятого класса. Потом все сдавал экстерном. А папа мне говорил: «Сашенька, если бы те силы, которые ты тратишь на то, чтобы не учить математику, были потрачены на ее изучение, ты смог бы стать прекрасным математиком». В той же школе тогда учился Юрка (Г. П.) Щедровицкий, ни один семинар которого я так и не посетил, но дружили всю жизнь. Двумя годами раньше учился Натан Эйдельман. До этого я был изгнан из вечерней школы, директором которой был *другой* Иван Кузьмич Новиков, но не политик, из старых. Оба изгнания были связаны с тем, что совершенно не учился, предпочитая освоение латыни и ухаживание за девушками.

О «нулевом интеллектуально-нравственном уровне». Интеллект и нравственность — из одного начала. Когда нет нравственности, интеллект сохраняется через цинизм, питаемый самым разным, например, страхом или выгодой. Интеллект без нравственности возможен как *искренний цинизм*. Интеллект без нравственности вырождается, и *интеллектуал* становится *экспертом*.

Поразителен «нравственный инстинкт» таких людей, как Рихтер, Левада или Мамардашвили. Первый конфликт Мераба «со своим народом» произошел в восьмидесятые, когда перед ним открывались все двери. Сын его лучшего друга с товарищами после свадьбы захватили самолет в Тбилиси с требованием лететь в Турцию, а потом убили летчика. Друг попросил Мераба подписать просьбу о помиловании, а тот отказался. Мераб был против отмены смертной казни на кантианском основании: человек должен знать, что его ждет в случае сознательного убийства.

Я против романтизации двадцатых моими друзьями: Вячеслав Иванов и его занятия Эйзенштейном, Г.П. Щедровицкий и культ Льва Семеновича Выготского. Нужно, конечно, вспомнить и физиолога Бернштейна, и Платонова. Я-то считаю, что именно в двадцатых сформировалась интеллигенция с этим нулевым уровнем, которая с огромным энтузиазмом

пошла в рабство, именно тогда был выкован интеллигентский цинизм, которым Сталин воспользовался как системным принципом в тридцатых.

17.12.04 — седьмой разговор.

Поминали Владимира Вениаминовича Бибихина, умершего 12.12.04. Впервые встретились с ним на симпозиуме в Риге, после циклов лекций, составивших книгу «Философия на троих». Вначале не понравились друг другу, а потом сошлись. Близость вопреки тому, что ни в чем не сходились друг с другом. Совсем не могу примириться со смертями Аверинцева и Бибихина. Вот у них как раз совершенно неразделимы были интеллект и нравственность.

Замечательна русская апология *искренности*, которая есть оправдание всему, вплоть до цинизма. Аргумент один: «Зато я искренен». Одна русская дама критиковала *любезность*:

— но любезность — это неискренность.

Пришлось возразить:

— любезность это любезность, а к искренности или неискренности она отношения не имеет.

О Деррида. Ужасно скучно, хотя пишет ВЕ — ЛИ — КО — ЛЕП — НО! Все дело в том, что хотя философ и может думать о чем хочет, но выбор *объекта думанья* важен для *воспитания* философа. Думать о неинтересном непедогогично. Выбор же Деррида странен. То проблема самоидентичности как алжирского или французского еврея, то постоянное обозначение *своих*. Как сказали бы ребята из послевоенных московских дворов: «Кого это волнует?»

2.06.05 — ужин у Мити Боского.

Поминали С.С. Аверинцева, М.К Мамардашвили, Ю.М. Лотмана, вспоминали о М.Л. Гаспарове, В.В.Иванове, и поминовение закончилось тем, что АМ предложил тост: «В 1939 году в Москве случайно убит британский резидент в СССР. Дело срочное, и в Москву отправлена английская шпионка, девушка из Оксфорда 22 лет. О том, что она из разведки, московские специалисты вдруг догадываются по перехваченному письму ее возлюбленного из Эдинбурга, в котором тот просит ее отправиться летом на Кавказ и записать 400—500 слов лезгинского языка, совершенно необходимых ему для завершения диссертации по лингвистике. Консультанты в ГРУ подтверждают, что, несмотря на кажущуюся нелепость просьбы, в послании есть научный смысл и поэтому письмо — не шифровка. Позже девушка гибнет в блокадном Ленинграде, куда поехала по шпионским делам и застряла. А ведь могла никуда не ехать и продолжать прогуливаться по Оксфорду на своем велосипеде.

Следующая история — о профессоре Фасмере и вывезенных в Москву в 1945 году его чемоданах со словарем. Интересно, что не только сам

Фасмер в 1944 году продолжал заниматься в Берлине своим делом — этимологическим словарем русского языка, но и нашу разведку интересовало, как у него идут дела.

Давайте выпьем за то, чтобы всегда находились *нормальные люди*, которые продолжают заниматься *своим делом* вместо того, чтобы убивать кого-то».

После моего возвращения с семинара, на котором встретились интереснейшие богословы, АМ:

— Говорил ли кто-то там интересное?

— А что такое «интересное»?

— Ну, например, разговор о конце света.

— А это интересно?

— Конечно. Ведь всякий рассказ может иметь смысл только в том случае, если о нем можно спросить: «Чем же все это кончилось?».

9.06.05 — прощались, выпивали и вспоминали. АМ рассказывал о своей поездке двухлетней давности в Индию, с Улдисом Тиронсом и рижскими друзьями. И из рассказов об индийском поезде, опоздавшем на пять часов в пятидесятиградусную жару, о пассажирах на крыше, о жажде и привокзальной воде он несколько раз возвращался в Бенарес, священный город, в который индусы добираются умирать.

ДЖЕРЕЛА

- Беньямин В. Рассказчик // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. — СПб.: Симпозиум, 2004. — С. 383—418.
- Пятигорский А. Введение в изучение буддийской философии (девятнадцать семинаров). — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 288 с.
- Пятигорский А. Вспомнишь странного человека ... — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 399 с.
- Пятигорский А. Заметки о метафизической ситуации. — Континент, 1974. — № 1. — С. 211—224.
- Пятигорский А. Конец века — конец финализма // Александр Пятигорский. Непрерываемый разговор. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — С. 413—417.
- Пятигорский А. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 280 с.
- Пятигорский А. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. — Riga: Liepnieks & Rītups, 2002. — 172 с.
- Пятигорский А. Непрерываемый разговор // Александр Пятигорский. Непрерываемый разговор. — СПб.: Азбука — классика, 2004. — С. 7—37.
- Пятигорский А. Рассказы и сны. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 128 с.
- Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. — М.: Европа, 2007. — 152 с.

Пятигорский А. Чуть-чуть о философии Владимира Набокова // *Континент.* — 1978. — № 15. — С. 313—322.

Piatigorsky A. Who's Afraid of Freemasons? The Phenomenon of Freemasonry. — London: The Harvill Press, 1997. — 398 p. (русский перевод: Пятигорский А. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 448 с.).

Олександр Філоненко — кандидат філософських наук, доцент кафедри теорії культури і філософії науки філософського факультету Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Коло наукових інтересів — проблеми філософської і богословської антропології, філософія культури.
